

AUSTRALIAN RUSSIAN LANGUAGE ALMANAC

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ
АЛЬМАНАХ

МОЯ АВСТРАЛИЯ

1
НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ
1998

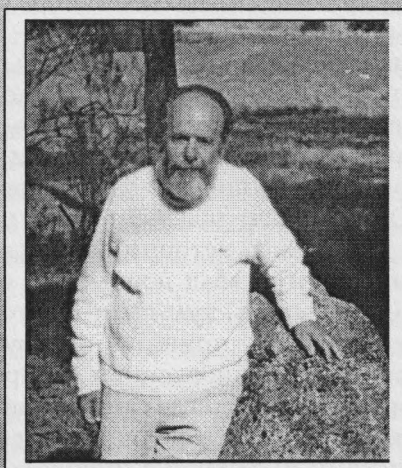

Владимир КАБО

Новая жизнь древних культов

Джинимин

Рассказ

Владимир Кабо родился в Москве в 1925 году. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Московский университет. С 1957 года до отъезда в Австралию работал в Институте этнографии Академии наук СССР. Доктор исторических наук. Автор трех книг и более 120 статей, посвященных происхождению, истории и культуре аборигенов Австралии, истории, искусству и религии первобытного общества. В Австралии живет с 1990 года. В 1995 году опубликовал книгу воспоминаний «Дорога в Австралию», в 1998 году она вышла в переводе на английский язык.

Новая жизнь древних культов

Аборигены населяют Австралию десятки тысяч лет, и за это время они сумели создать богатую, многообразную оригинальную духовную культуру. Это и устное творчество, и изобразительное искусство, привлекающее в наши дни всеобщее внимание, и системы родства, поражающие своей сложностью. Это-интенсивная религиозно-обрядовая деятельность, включающая обряды посвящения (инициации) мальчиков-подростков в тайную, недоступную непосвященным жизнь взрослых мужчин. Это - мифология, рассказывающая о происхождении мира, о предках-праюдах, предстающих существами двойственной природы, полулюдьми-полуживотными. Это-система миропонимания, глубинные пласты которой все еще скрыты от посторонних глаз. Это-совокупность норм поведения, призванная обеспечивать социальную стабильность; в мифах нарушение запретов и моральных норм нередко влечет за собой катастрофические последствия-наводнения, пожары, ураганы. Подобные представления о мировой катастрофе, происшедшей вследствие нарушения людьми божественных заповедей, были знакомы всем древним народам, вошли они и в Библию.

Но культура аборигенов никогда не оставалась застывшей, неподвижной. Особенно глубокие перемены начались в ней с европейской колонизацией и распространением христианства. Новая религия не привела к механическому исчезновению традиционных верований-возникли своеобразные религиозные явления и культы, сочетающие признаки старых, унаследованных от предков, и новых, заимствованных; в науке такие культы называют «синкретическими». Они характерны не только для Австралии, но и для многих других стран и народов мира. На глазах истории как бы возникают новые религии. На островах Океании, на Новой Гвинее они начали появляться еще в девятнадцатом веке; после первой мировой войны их стали называть культами Карго: их приверженцы верили, что корабль или самолет, посланные предками, привезут им грузы, - карго, -похищенные у них белыми. Это будет символическим восстановлением попорченной справедливости. Многие ждали пришествия Христа, который должен явиться на корабле вместе с Карго.

Первые культы подобного типа появились в Австралии уже в конце прошлого века, но наибольшего развития они достигли в середине нашего столетия и последующие годы, главным образом на западе и в центре континента. Возникла новая религия, сочетающая древний «закон» аборигенов с учением Библии. Она возникла на почве социального протеста. Абориген-пастух Томми Дыламанга выступил в качестве пророка религиозного движения, сочетающего веру в героев Дриминга-мифологического Времени сновидений с утопической мечтой о грядущем обществе равенства и справедливости.

В начале 1960-х годов среди аборигенов Западной Австралии распространился новый культ, появился новый пророк по имени Джинимин-Иисус. Рассказывали, что кожа у него была наполовину черной, наполовину белой. В этом, очевидно, проявилась двойственная природа пророка-носителя духовных ценностей черной и белой рас. Джинимин предсказывал, что белые и черные будут равны, что земля снова будет принадлежать аборигенам. Но это произойдет только тогда, когда аборигены станут единым народом. Победа придет лишь в том случае, если аборигены останутся верны «старому закону» -своему культурному наследию. Своей проповедью Джинимин утверждал равноценность религии черных и религии белых. Завершив земную миссию и вернувшись на небо, Джинимин-Иисус послал оттуда аборигенам лодку, наполненную золотом и сверкающими кристаллами, которая должна служить, подобно Ноеву ковчегу, для спасения верных «закону» аборигенов. Образ лодки, наполненной материальными ценностями, живо напоминает нам корабли с грузом, предназначенным для туземцев, в культах Карго. Большой интерес представляет и само содержимое лодки-оно символизирует ценности двух рас, белой и черной. Золото-это то, на чем строят свое могущество белые; кристаллы же кварца играют важнейшую роль в ритуальной практике австралийских знахарей и провидцев. Золото и кристаллы символизируют «путь» белых и «закон» черных, и верные «закону» аборигены, которым суждено спастись, должны овладеть могуществом белых. Мотив потопа, возможно, заимствован из Библии, но он не чужд и австралийской мифологии. Потоп-символ грядущего катаклизма, конца мира. Ему, в проповеди Джинимины, предшествует установление социальной справедливости-равенства белых и черных, возвращение земли аборигенам; но завершится все это неизбежной катастрофой и спасением «верных». Таков смысл мифа о Джинимине, мифа, созданного в двадцатом веке, на глазах истории. Подобно раннехристианским хилиастическим (от греч. CHILIA- тысяча) учениям, культ Джинимины

связан с верой в грядущее тысячелетнее царство справедливости, за которым последует конец мира и Страшный суд.

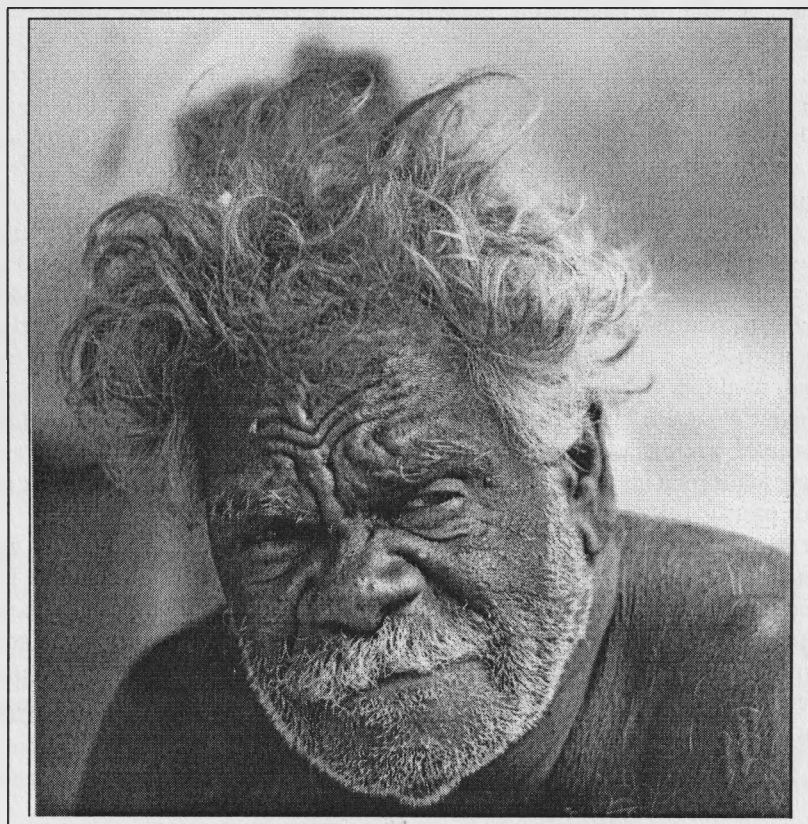
Тогда же в Центральной Австралии распространилось другое подобное учение. В основе его находилось убеждение, характерное для культов Карго, что американцы во время войны прислали аборигенам грузовики с продовольствием, а белые австралийцы хитростью завладели ими. И теперь они должны быть возвращены аборигенам.

И, наконец, в те же годы на острове Элко, к северу от Арнемленда, религиозный реформатор абориген Бурамара публично выставил священные культовые предметы, ранга, смотреть на которые непосвященным прежде строго запрещалось. А рядом с ранга был водружен и символ христианства-крест. Бурамара провозгласил, что отныне аборигены будут поклоняться двум богам, что ранга-Библия аборигенов.

И в дальнейшем на севере Австралии распространялись все новые религиозные движения, возникающие на почве стихийного протеста и объединяющие ценности и символы религии двух рас. Их появление продолжалось до самого недавнего времени. Но все более они вытеснялись чисто политическими движениями-прежде всего за возвращение аборигенам земель, принадлежавших им прежде. Они совпали с движением децентрализации, когда аборигены покидали поселения при миссиях и скотоводческие станции, где были собраны люди разных племен, и возвращались на свои племенные земли.

Для аборигенов земля была не просто источником средств существования-общество и духовный мир аборигенов были неразрывно связаны с землей, на которой жили бесчисленные поколения их предков. Духовное единство с землей находило выражение в священных культах, в привязанности к святилищам, расположенным на этой земле. Даже в миссиях аборигены, лишённые возможности посещать свои племенные святилища в реальной жизни, делали это в воображении: по их словам, их души покидали во сне тела и устремлялись на родину.

Таковы самые необходимые пояснения к моему рассказу, его исторический фон. Я стремился передать сущность учения австралийского пророка, донести суть его личности. Мне хотелось показать человека на перекрестке двух культур. Речь Джинимины в рассказе вся пронизана цитатами из Библии. Такая речь свойственна людям, сознание которых формируется под мощным воздействием двух религиозных традиций-собственной племенной и заимствованной, христианской. Это сознание апокалиптично, оно жаждет обновления, восстановления справедливости и, в то же время, предчувствует приближение конца этого мира. Рассказ мой весь основан на фактах, на фольклоре аборигенов. Я не стремился упрощать речь своих героев, изображать, как, якобы, говорят аборигены. Я хотел донести смысл их слов, особенности их нового сознания.

ДЖИНИМИН

В пустыне темнеет быстро. Едва Женщина-солнце скрывается за гигантскими черными скалами, там, куда навсегда уходят люди, когда они умирают,-напротив, над полосой розовых облаков, уже четко виден светлый лик Мужчины-луны; он снова вернулся к жизни после недолгой своей смерти. А рядом с ним - прекрасная Вечерняя звезда, его жена.

Они шли весь день - седобородый старик и юноша, быстрый и чуткий как ящерица. Они шли вдоль линии телеграфных столбов, которая перерезает всю эту страну с юга на север. Старик шел легко и глядел прямо перед собой из-под серых нависших бровей, что почти скрывали его глаза, сверкающие как угли под пеплом. Оба молчали. В одном месте, на берегу высохшей реки, они присели отдохнуть. Перед ними лежало ее песчаное русло; воды не было так давно, что местами в ложе бывшей реки выросли невысокие деревья. Подобно следу змеи, река уползала за грядой лиловых гор вдаль. Потом они пошли дальше. Но прежде чем уйти, старик протянул к реке руку, и они увидели, как далекие горы скрылись в дождевых тучах и русло реки начало наполняться водой.

-Ты знаешь, как образовалось это русло? - спросил старший своего молодого спутника.

-Да, я слышал об этом, - ответил юноша. - Я услышал этот рассказ, когда работал на ферме. Позади фермы, там, где все еще видна старая дорога, в скалах есть узкая расселина-мне показывали ее. Там когда-то жила Змея-радуга. В то время только у нее был огонь. Никто больше не умел добывать огонь, никто не мог греться у огня в холодные ночи. Птицам было очень холодно, и они решили похитить огонь. Они дождались, когда змея уснула, и одна очень маленькая и очень храбрая птица подлетела к огню, схватила пылающую головню и улетела с ней. Огонь опалил ее перья-вот почему она черная. А рассерженная змея покинула свое жилище в скалах и уползла в горы. И путь ее-это нынешнее русло реки. Она и воду взяла с собой -говорят, прежде в скалах за фермой был водоем, но он давно высох.

И, помолчав, юноша добавил:

-Ведь люди были когда-то птицами. А птицы-людьми.

Когда совсем стемнело, они набрали сухих сучьев и листьев и сложили костер. Старик простер над ним руки, и в глубине кострища что-то засветилось и через несколько мгновений пламя вырвалось наружу. Освещенная пламенем кожа старого аборигена, - так показалось его молодому спутнику, - вдруг перестала быть черной, она стала светлой, вернее такой, какой бывает кожа белого человека ночью, в свете огня или луны.

Они долго сидели у костра, прислушиваясь к негромкому гудению проводов. И тогда старик, глядя в умирающее пламя, начал говорить:

-На скотоводческой станции, где прошло мое детство, жил глубокий старик-я еще помню его. Никто не мог сказать, как долго он жил, и он сам этого не знал. Ни в нашем, ни в соседних поселениях не было человека старше его. Он жил так долго, что, наконец, устал и взмолился могущественному богу белых людей, о котором рассказывали миссионеры:

-Боже, - сказал он, - я живу очень долго, я устал. Пошли мне смерть, возьми меня к себе.

Но Бог медлил, и старик продолжал жить. Иногда он забывал о том, что устал и хочет умереть, и начинал радоваться жизни. Он радовался чему-нибудь очень простому-например, ясному, прохладному утру с каплями росы на траве. И тогда, если его спрашивали, чего же он хочет больше всего, он говорил:

-Я хочу, чтобы генерал-губернатор прилетел на самолете посмотреть на меня.

Дни сменялись днями, старик все чаще неподвижно сидел под высокими эвкалиптами на берегу реки, смотрел на играющих детей и вспоминал собственное детство-он помнил его лучше, чем то, что было потом. И все чаще мысль его устремлялась к тому далекому прошлому, когда он жил еще на земле своего племени, - на земле, что лежала далеко отсюда, в нескольких днях пути. Он вспоминал, как подростков уводили куда-то, и они возвращались через много дней повзрослевшие и молчаливые, и больше не играли ни с ним, ни с другими детьми. Он видел, как старшие мужчины, раскрасив себя белой глиной и взяв в руки священные ванинги из перьев, уходили к линии горизонта, туда, куда уходит солнце, - уходили, чтобы совершить там таинственные обряды. И еще он помнил, как однажды ночью он увидел стариков, сидящих молча под деревом, в стороне от стоянки. Они подолгу, внимательно рассматривали какие-то предметы, передавая их из рук в руки; но что это было - мальчик не мог разглядеть. И узнал гораздо позже...

И вот теперь, когда он сам стал таким же стариком, он понял вдруг, как хочет он вернуться туда, к этим старцам, таким мудрым и таким гордым, полным достоинства,-теперь таких не увидишь. И тогда к нему пришло то, чего он не ожидал: ночами, когда он засыпал, душа его покидала тело и устремлялась туда, за голубые горы, на землю его племени - на его собственную землю. Она стремилась к тому месту, куда когда-то уходили самые старые и самые мудрые люди его племени, взяв в руки ванинги. Это случилось с ним один, другой раз, а потом стало повторяться снова и снова. И только гораздо позже он узнал, что то же самое происходило и с некоторыми другими аборигенами.

Однажды он, как обычно, сидел под эвкалиптами на берегу реки. Был ясный полдень. И вдруг он услышал рокот мотора, все более громкий, и увидел в прозрачном синем небе самолет.

-Это генерал-губернатор,-закричал он, - он услышал обо мне и летит сюда...

И в самом деле, самолет развернулся и опустился на открытое пространство позади загона для скота. Самолет был необычный, он был окрашен в защитный серо-зеленый цвет, такой самолет старик видел как-то раз во время войны, в нем прилетели американцы. И теперь тоже из самолета вышел человек в кожаном шлеме и больших темных очках; все тело его излучало сияние, такой свет исходит иногда от старого дерева во время грозы. Человек подошел к старику и сказал:

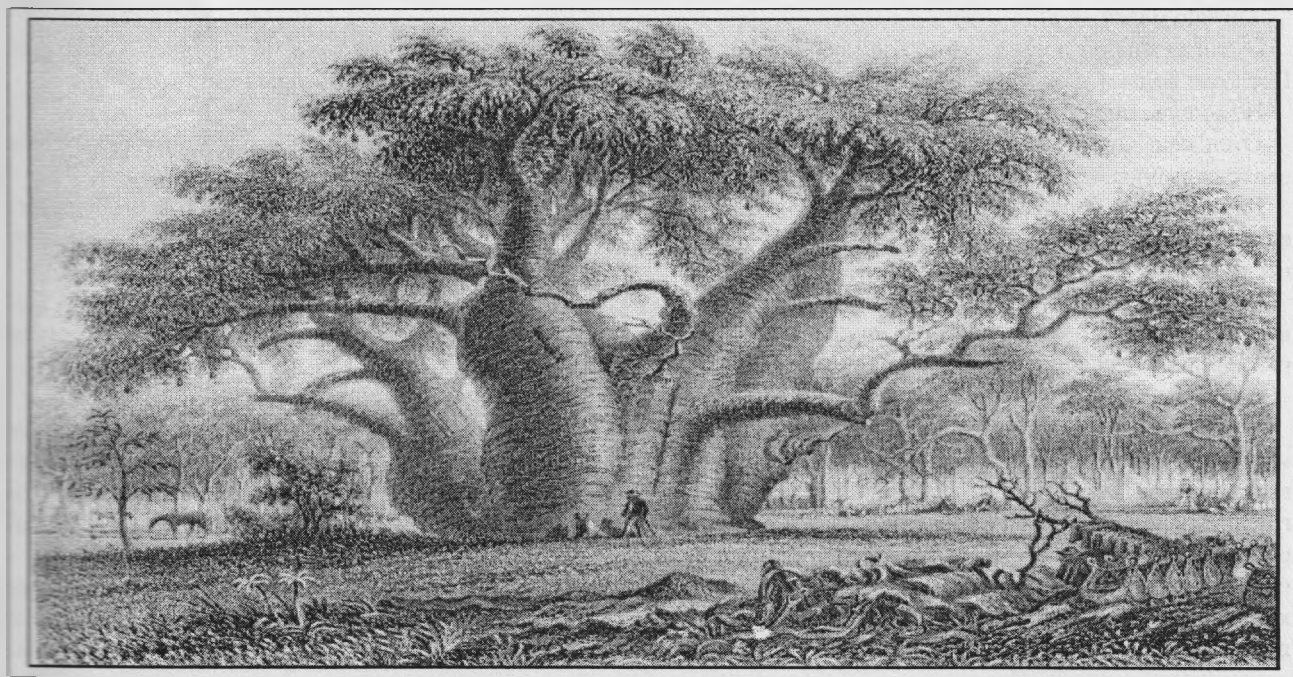
-Я привез вам много замечательных вещей, помощи мне.

Старик и человек в шлеме вместе разгрузили самолет. Ящики, картонные и железные коробки, мешки— всему этому, казалось, не будет конца. Здесь была одежда и охотничьи ружья, мука и сахар, табак и чай, сгущенное молоко и еще многое, многое другое. И вот, когда все это уже стояло и лежало на земле и самолет улетел, появился хозяин станции со своими белыми помощниками. "О, нет, - сказали они, - аборигенам нельзя иметь все это сразу, они не сумеют распорядиться таким количеством вещей; мы отвезем все это на склад и будем выдавать понемногу, столько, сколько нужно; а что это там в бутылках? Ну, это вообще запрещено..." Они подкатили грузовик, нагрузили на него все до последней жестянки и куда-то увезли. Никто из аборигенов никогда ничего больше не увидел. И единственным напоминанием об этом событии осталась песня, которую сложили аборигены-песня об аэроплане. О том, как прилетел аэроплан и привез аборигенам много хороших вещей, а когда он улетел, всем завладели белые. Но в следующий раз все будет по-другому, - пели аборигены.

Но никто из них не знал, как и почему, и когда все будет по-другому. Не знал этого и старик, хотя он был очень стар и еще помнил то далекое время, когда аборигены жили каждый на земле своего племени, когда они были свободны и сильны - потому что их земля давала им силы. Когда они обладали сокровенным знанием - оно тоже давало им мудрость и силу, силу духа. А когда Бог, наконец, призвал старика к себе, не осталось уже ни одного человека, который бы все это помнил - или хотя бы просто понимал.

Тот, что был старше, повернул лицо к молодому спутнику и сказал;

-С тех пор прошло немало лет. Я все хотел понять, что же нужно сделать, чтобы народ наш обрел прежнюю силу. И вот, года два тому назад, мне было видение. Я тогда был один, в горах.

Много дней я ничего не ел и сильно ослаб. Тогда-то я и узнал, что нужно делать, и услышал свое настоящее имя.

-Мое имя - Джинимин. Теперь ты его знаешь.

Юноша подбросил в костер сухую траву и узкие полосы коры, и пламя вспыхнуло с новой силой. Тогда Джинимин сказал:

-В те дни, в горах, одинокий, умирающий от голода и жажды, я понял, зачем пришел в этот мир. Я понял; не нарушить закон пришел я, но исполнить. Настанет день, когда земля будет снова принадлежать аборигенам. Но прежде, чем это произойдет, наш народ должен вернуться к своему закону, завещанному предками. Вот что я хочу сказать нашему народу: не стремитесь к обладанию вещами. Не заботьтесь о том, что вам есть и что пить, во что одеться. Отец ваш небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Взгляните на птиц в небе: он

питает их и они сыты. Посмотрите на цветы в пустыне: он одевает их, и они прекрасны. Не заботьтесь о завтрашнем дне, довольно для каждого дня своей заботы. Не собирайте себе сокровищ на земле, собирайте их на небе. Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше. Вспомните, как жили ваши предки. Они не были беспомощны перед лицом природы. Они жили в согласии с ней, не уничтожали ее, не убивали животных больше, чем было необходимо. Сердца их были свободны от суеты. Они имели мало вещей, но много времени, чтобы размышлять о тайнах мира.

Он замолчал, и они увидели вспышки молний на той стороне небосклона, где находились горы, а потом слышали далекие раскаты грома. Оттуда, со стороны гор, - в темноте их не было видно, - потянуло влажным ветром. Пламя костра погасло, раскаленные угли едва освещали лица собеседников - старого и молодого. Снова прогремел гром-на этот раз ближе. Он прозвучал как угроза и предупреждение.

-Это Человек-молния,- сказал юноша. - Он бродит по небу на грозových тучах. Своими каменными топорами он производит молнию и гром, сокрушает деревья, убивает людей.

-Придет день, и этот мир погаснет навсегда, - сказал Джинимин. - Никто не знает, когда это случится. Быть может, уже нам суждено увидеть конец мира. Или тем, кто придет за нами. Этого никто не знает. Будем же готовы.

Он долго глядел, как угли покрываются седым пеплом.

-Скоро я покину вас, - сказал он.- Но вы еще услышите обо мне. Оттуда, куда я уйду, - он показал на запад,-я пошлю вам лодку. Я наполню ее кристаллами и золотом. Кристаллы - это закон черных. С незапамятных времен наши мудрецы умели с их помощью предсказывать будущее, лечить тяжело больных и призывать дождь на землю, пораженную засухой. А золото - это путь белых, на нем возводят они свое могущество. Наш народ должен научиться совмещать то и другое. Не отбрасывать одно ради другого, а совмещать. Наши сердца должны быть открыты всему миру. Поэтому я, Джинимин, обращаюсь не только к нашему народу - я обращаюсь к людям всех племен, всех рас, всех вер. Я пришел сказать им всем: готовьтесь, ибо час близок. Говорю тебе: не останется здесь камня на камне, все будет разрушено. Будет великая скорбь, какой не было от начала мира. Как молния перерезает небо с востока до запада, так придет судья судить этот мир. О дне же том и часе никто не знает. Так было в дни перед потопом: ели и пили, женились и выходили замуж, и не думали, что конец близок, но пришел потоп и истребил всех. Вот почему я говорю - и ты передай мои слова всем: бодрствуйте, потому что не знаете, в который час это придет.

Он задумался.

-А когда хлынут воды и затопят землю - вот тогда черные, верные закону, спасутся в моей лодке. Только они. Поглотят воды и всех тех белых, кто уже не помнит, чему учил их тот, кто пришел раньше меня.

Помолчав, он добавил:

-Отец наш хочет спасти нас. Спасти не тела наши, - они обречены, - а души. И у черных, и у белых есть свобода выбора. Они свободны выбрать между спасением и гибелью. Вот почему я говорю: готовьтесь.

Джинимин замолчал. Его спутник молчал тоже. Тучи уходили к Великой пустыне, небо с той стороны все еще освещалось вспышками далеких зарниц, но звук грома уже не долетал сюда. Стало совсем тихо, как бывает перед рассветом. Тогда юноша сказал:

-Я слышал мир однажды уже погиб в огне, старики рассказывали об этом. Это случилось потому, что был нарушен запрет. Его нарушили мальчики, проходящие инициацию. Нам рассказали об этом, когда нас самих готовили к посвящению. Перед тем как увести к тому далекому месту среди скал, где это всегда происходит.

-Да, я знаю об этом, - сказал Джинимин.- Но что рассказывали в вашем племени?

-Когда-то, в давние времена, двум мальчикам пришлось пройти обряды посвящения, и старшие мужчины увели их в буш. Ты же знаешь, чему должны научиться подростки прежде всего - беспрекословно выполнять все, что требуют старшие, и не делать того, что запрещено. Острым камнем им сделали надрезы на груди и на руках и велели поймать в реке угря и его жиром, смешанным с пеплом от костра, натереть раны от рубцов. И строго запретили им покидать стоянку. Если вы сделаете это, - сказали старшие мужчины, - произойдет большое несчастье. И оставили их одних. Тогда младший мальчик сказал старшему: "Эй, дай мне копье, я вижу валлаби - там, среди деревьев". Старший ответил: "Нет, не делай этого, нам не разрешено покидать нашу стоянку". Но младший не захотел его слушать, он схватил копье и побежал в буш. Он бросил копье и промахнулся. Копье попало в дерево. Мальчик подбежал к дереву, вытащил копье и увидел, что под корой сидят личинки уитчети. "Иди сюда,- закричал он старшему, - здесь уитчети, мы съедем их, вот удача". "Нет, нам запрещено есть личинки уитчети", - сказал старший. "Ничего, никто не узнает", - ответил младший. И они принялись рубить дерево острым камнем, чтобы достать личинки. И тогда буш начал гореть. Горела трава, горели деревья и кусты, мимо мальчиков бежали в ужас лесные звери, но мальчики ничего не замечали - так хотелось им поскорее достать личинки уитчети. Старшие мужчины, которые возвращались домой, посмотрели на небо и увидели огромное красное зарево. "Эге, эти два мальчика сделали что-то плохое",- сказали мужчины. Они побежали к стоянке, но было уже поздно. Все было объято пламенем: лес, земля, люди и животные. Огонь поглотил все. Никто не спасся. И все это потому, что был нарушен запрет. Все это случилось из-за своеволия двух мальчиков. Так рассказывали в нашем племени.

...С рассветом они снова двинулись в путь. Но прежде, чем покинуть место, где они провели ночь, они сложили вокруг холодного кострища круг из камней. Люди, которые придут сюда после них, будут знать: здесь сидели у костра Джинимин и его спутник, здесь провели они ночь и говорили о гибели и спасении мира. И кто-нибудь изобразит этот круг на копьёметалке, на листе коры, покрывающей хижину мальчиков, которых готовят к посвящению, или на священной гуделке, с помощью которой можно вызвать дождь. Внутри наружного круга, обозначающего место ночлега, он изобразит другой круг - самих путников, вернее их духовную сущность, а внутри него - третий: очаг. А от наружного круга проведет линию в одну сторону - откуда пришли путники - и в другую - куда они ушли. И эта дорога, не имеющая начала и конца, и то, что они делали на своем пути, и то, о чем они говорили - все это люди запомнят навсегда и расскажут своим детям, а те - своим, и так из рода в род, из века в век.

А когда солнце поднялось над бесконечной равниной и облило розовым светом редкие деревья, высокие термитники, похожие на сломанные древесные стволы, ряд телеграфных столбов, уходящий за горизонт, далекие горы, Джинимин остановился, обвел все это рукой и сказал:

-Вот мы и пришли. Все это - наша земля. Земля моего племени. Здесь повсюду - и в пустыне, и в горах - наши святилища. Все эти гигантские камни - это наши предки: умирая они превращались в скалы. Эти водоемы, котловины, ущелья оставили они после себя - здесь они проходили, сидели у огня, лежали; это их следы. Вся эта земля священна для нас. Вот там, взгляни, где теперь водоем для скота - там лежала Старая женщина, родоначальница жившего здесь когда-то племени. Вот там, в ущелье, жили Братья-молнии, это они научили наш народ добывать огонь и поджигать траву на равнине, когда мы охотились на кенгуру. А еще дальше, в горах, мы хоронили своих умерших. Их души все еще там. Люди видят их иногда, слышат их голоса. Да, здесь мы кочевали, охотились, собирали пищу. Но не только это: мы жили здесь в нашем священном прошлом, а оно было для нас и настоящим. Оно продолжалось в наших обрядах, в нашей жизни. Мы жили жизнью наших предков, тех, кто создал когда-то этот мир. Мы были ими, а они нами. Они продолжали жить в нас, в наших мыслях, в наших делах. Наш мир был един. А теперь он расколот. Я, Джинимин, пришел соединить разъединенное. Мы еще увидим новое небо и новую землю.

И они пошли дальше, - старый пророк и его молодой ученик, - пока не увидели вдали дымы от костров. Там были люди.

